УДК 792.03(470.54)
Исторические науки и археология

Статья посвящена деятельности правившей в СССР партии в духовной сфере общества после окончания Великой Отечественной войны. Автор исследует контроль и диктат партийных органов, регулярно организовывавшиеся ими идеологические кампании как специфические явления жизни советской страны. На материалах бывшего партийного архива Свердловской области он демонстрирует конкретные и наглядные примеры вмешательства государства в деятельность учреждений образования, науки и культуры и даже в частную жизнь граждан, доказывая ненужность и пагубность такого воздействия.

Ключевые слова и фразы: советское общество; духовная жизнь; Свердловская область; обком партии; культура; творческие союзы; наука; идеология; контроль и диктат.

Мамяченков Владимир Николаевич, д.и.н., доцент
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
matyachenkov@mail.ru

ПАРТИЙНАЯ ВЛАСТЬ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ 1940-Х – НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ.: ВСЕ ПОД КОНТРОЛЕМ (НА МАТЕРИАЛАХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

События, произошедшие в СССР в указанный в названии статьи период времени, стали предметом массовых исторических исследований в нашей стране примерно с конца 1980-х гг. – именно тогда стали появляться первые историко-публицистические работы по данной тематике [1; 30; 32], В 1990-е годы этот процесс получил дальнейшее активное развитие: авторы многочисленных работ исследовали как общую атмосферу советского общества в послевоенные годы [17; 18], так и проблемы взаимоотношений интеллигенции и сталинского тоталитаризма [7; 12; 15; 16; 25; 42], издавались мемуары современников событий [2; 3]. В это же десятилетие появились первые исследования, основанные на материалах уральского региона, а именно – Свердловской и Пермской областей [5; 24].

В последующие годы уже нового, XXI века региональная тематика раздвинула свои рамки, и количество подобных работ резко возросло [9; 10; 21; 22; 23; 27; 28; 31; 33; 36], хотя исследований, посвященных Свердловской области, по-прежнему было очень мало [6]. Наряду с этим, продолжалась и продолжается разработка общих проблем духовного развития общества в первые послевоенные годы [11; 20; 26; 29; 34; 42], издаются воспоминания [4; 43]. Наконец, надо сказать, что свой вклад в разработку проблемы духовного противостояния власти и населения, прежде всего – интеллигенции, внесли и зарубежные авторы [13; 14; 37].

Таким образом, в историографии обозначенной нами проблемы можно констатировать два момента. Первый состоит в том, что на сегодня накоплен весьма существенный объем исследований по данной проблеме. Но второй момент заключается в том, что работ, основанных на материалах именно Свердловской области (Среднего Урала), пока что насчитывается очень немного. Возможно, предлагаемая статья в какой-то мере восполнит данный пробел.

Вопреки чаяниям советских людей, окончание Великой Отечественной войны не принесло моментального облегчения их повседневной жизни. Но если в материальной сфере были заметны хоть какие-то, пусть очень небольшие, но позитивные сдвиги, то в сфере духовной не было и этого. Наоборот, власти были крайне встревожены тем фактом, что в ходе прошедшей войны миллионы советских людей напрямую увидели реальную жизнь народов других стран: ведь эти граждане могли сделать (и делали!) выводы, которые были далеко не в пользу жизни в СССР. Поэтому неудивительно, что в Свердловской области, как и в других регионах страны, органы госбезопасности фиксировали многочисленные «враждебные» высказывания граждан, простых тружеников. Характерно, что большинство людей в то время беспокоило положение с продуктами питания и прежде всего – с хлебом, которого элементарно не хватало. Вот только несколько таких высказываний из далекого 1948 г.:

– «В СССР никакой свободы нет, и люди живут как невольники» (рабочий Степанов, г. Кировград).
– «Детям дают по 300 граммов хлеба, они недоедают, всегда голодные и ищут, где что-либо украсть и покушать» (рабочий Милютин, г. Кировград).
– «Я не знаю, скоро ли кончатся наши страдания с хлебом, что-то им конца не видно…» (работница райздравотдела Пшеничная, г. Невьянск).
– «Хлеб отправляют за границу, а нас морят, держат на голодном пайке» (бригадир такелажников Терехов, г. Невьянск).
– «Меняем хлеб на трубы» (машинист паровоза Гладков, г. Красноуральск) [38, д. 157, л. 5-8].

Лучшим способом канализации негативных эмоций людей и направления их в желательном для властей ключе было развязывание кампании против очередных обнаруженных врагов – как внешних, так и внутренних. Поэтому неудивительно, что сразу после окончания войны внешними врагами стали страны, только недавно бывшие союзниками СССР по антигитлеровской коалиции, – США, Великобритания, Франция и другие. А немного позднее – в конце 1940-х – появились и враги внутренние – «безродные космополиты», под которыми вполне определенно подразумевались «лица еврейской национальности». Именно против последних и была направлена специально организованная кампания.

Рассуждая о подобных мероприятиях, А. С. Кимерлинг справедливо отмечала: «Связь власти с массами наиболее активно проявлялась во время политических кампаний. Власть воздействовала через систему пропаганды, народ отвечал ростом числа писем с “жалобами и предложениями”... Официально провозглашая демократические свободы, тоталитарные вожди позволяли только управляемую демократию во время политических кампаний, когда активность масс оправдывала террористические действия властей. В основе активности масс во время политических кампаний находился миф о враге» [21, с. 19].

В полном соответствии с вышеописанным сценарием и происходили, например, известные события в январе 1953 г. После опубликования первой газетой государства – «Правдой» – в номере от 13 января сообщения о «подлых убийцах под маской врачей» и «шпионско-террористической группе профессоров-убийц» по стране прокатилась волна собраний и митингов, на которых трудящиеся требовали «усиления бдительности». В этой связи Свердловский обком партии сообщал в ЦК КПСС: «Среди трудящихся области продолжает отмечаться повышенный интерес к опубликованному в печати сообщению о вскрытой шпионско-террористической группе профессоров-убийц… Многие рабочие, колхозники, инженерно-технические работники и служащие продолжают требовать усиления бдительности, особенно от органов государственной безопасности. Предъявляются большие претензии к партийным организациям, которые очень слабо стали вести работу по укреплению революционной бдительности. Требуют проверки работы не только Министерства здравоохранения, но и других министерств и заводов… Так, обер-мастер Ново-Лялинского металлургического завода лауреат Сталинской премии тов. Калашников и инженер этого же завода тов. Колобашкин заявили: “Разоблаченная шайка шпионов-врачей имеет свои щупальцы и на периферии. Предлагаю проверить работу не только Министерства здравоохранения, но и других министерств, и особенно нашего завода”».

Далее обком партии информировал ЦК, что имеют место «…многочисленные высказывания трудящихся о необходимости изменить отношение к евреям, не доверять им ответственных постов, заставить их заниматься работой непосредственно на рабочих местах, в колхозах. Некоторые товарищи требуют сселения евреев в одно место, например в Биробиджан. Отмечаются факты недоверия врачам-евреям. В больницах и поликлиниках некоторые клиенты просят приема только у русских врачей. Продолжаются высказывания в адрес врачей-евреев, что они неправильно ставят диагнозы и неверно лечат. В связи с этим в настроении еврейского населения продолжает наблюдаться нервозность и почти общая подавленность. Евреи в общении с русскими неактивны, стараются уклониться от разговоров по существу событий. В общих беседах на предприятиях, в учреждениях и организациях участия не принимают. В разговорах заявляют об опасении даже ходить по оживленным улицам – “как бы не нарваться на скандал с пьяными”… Изучение настроений населения области позволяет сделать выводы о необходимости… ужесточить контроль за лицами еврейской национальности, занимающими ответственные посты» [40, д. 127, л. 124-125].

Такие и подобные им настроения в обществе всячески поддерживались партийными органами, что фактически представляло собой отражение крайне неприглядной политики государственного антисемитизма, проводимой в СССР в те годы. О том, до какой крайней степени абсурда и мракобесия была доведена антисемитская кампания в стране, говорит тот факт, что ЦК ВКП(б) даже выпустил секретный статический сборник под названием «Руководящие кадры партийных, советских, хозяйственных и других органов к началу 1952 г.».

В этой книжке (рассчитанной, естественно, на узкий круг партийно-государственной элиты), помимо прочих сведений, была помещена таблица под названием «Динамика количественного представительства чиновников еврейского происхождения в советской номенклатуре в 1945-1952 гг.». Из нее можно было узнать, сколько евреев находилось на руководящей партийной и государственной службе в указанные годы. Например, в 1945 г. в руководящих кадрах центрального аппарата министерств и ведомств СССР и РСФСР насчитывалось 516 евреев (12,9% от общего числа руководящих чиновников), а в 1952 – уже только 190 (3,9%). И такое снижение отмечалось по всем звеньям номенклатурной лестницы ЦК ВКП(б) за исключением только директоров совхозов: здесь при одном и том же удельном весе (1,7%) число руководителей-евреев по всему СССР даже возросло с 54 до 69 чел. [19].

В результате беспрецедентной кампании советские граждане начинали воспринимать всех лиц еврейской национальности как врагов советского строя. Только на таком фоне искусственно подогреваемой массовой истерии были возможны дикие случаи, один из которых описан известным писателем В. Н. Войновичем. В своей автобиографической книге он рассказал, как во время проведения политических занятий в армии один из солдат его подразделения абсолютно серьезно задал офицеру вопрос: «Товарищ старший лейтенант, а почему у нас, в Советском Союзе, евреев не расстреливают?» [8, с. 149].

Параллельно поиску врагов власти постоянно отслеживали уровень идеологической стерильности общества, для чего в каждом партийном органе имелся чиновник, персонально отвечавший за участок, называемый «идеологическая работа». Основными же инструментами этой работы были периодически проводимые совещания, на которых представители парторганов критиковали, «поправляли» и «направляли» деятельность рядовых парторганизаций. При этом повышенное внимание уделялось учреждениям образования и культуры.

Так, в 1951 г. на одном из совещаний в Свердловском обкоме партии один из его секретарей – Куроедов[1] – подверг жесткой критике профессиональную деятельность технической интеллигенции областного центра,

[1] Куроедов В. А. (1906-1994 гг.). Партийный и государственный функционер. В 1949-1958 гг. – секретарь Свердловского обкома КПСС. С 1960 по 1984 гг. – председатель Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религий при СМ СССР.

прежде всего – преподавателей технических вузов. Например, доцент Горного института кандидат технических наук Новожилов, написавший книгу «Открытые горные работы», был обвинен в том, что он «явно раболепствует перед американской техникой».

Еще больше внимания главный партийный идеолог области уделил сфере театрального искусства. Здесь, по его мнению, царили полная безыдейщина и идеологический застой. Так, Куроедов заявил, что в Свердловском оперном театре «с серьезными идеологическими срывами был поставлен спектакль “Князь Игорь”. В спектакле нет полнокровного образа Игоря как носителя идеи русской государственности и защитника родной земли. Сама Русь показана убогой, не организованной перед опасностью вражеского нашествия. Театр крайне мало работал над постановкой современных опер».

Руководство областного драматического театра на этом совещании было обвинено в том, что им «…за последнее время были снижены требования к качеству репертуара. Были поставлены такие легковесные в идейном отношении, художественно малоценные спектакли, как “Потерянный дом”, в котором совершенно неубедительно раскрываются вопросы морали и нравственности советского человека, “За здоровье молодых”, где искажены образы советской молодежи. Серьезные ошибки имеет спектакль “Приваловские миллионы”».

На совещании также критиковались и писательские организации области, которыми, по мнению партийных властей, «…за последнее время были выпущены идейно слабые произведения. Например, книга Дижур[1] “Рассказ об одном походе” и Ликстанова[2] “Зелен камень” и другие» [39, д. 10, л. 79, 82-83]. И в данном случае этим двум известным уральским писателям, можно сказать, еще очень повезло. Буквально за год до этого только что вышедшую трехтысячным тиражом книгу «Самый северный» (о городе Серове) не менее известного писателя Рябинина[3] просто изъяли из обращения. Сам же писатель был подвергнут унизительному публичному бичеванию, исключен из Союза писателей и из кандидатов в члены ВКП(б). Причиной же всему послужил тот факт, что при написании книги Рябинин в качестве одного из источников использовал труд объявленного «врагом народа» писателя Маленького [6, с. 317].

Подобные совещания (и областного, и более низших уровней) проводились, прежде всего, в «воспитательных» целях. А поэтому и от руководителей учебных заведений и учреждений, и от рядовых работников требовалось не только «покаяние», то есть безусловное согласие с критикой: от них ждали еще и конкретных имен «провинившихся» перед партией деятелей науки и искусства. В такой сложной ситуации люди вели себя по-разному, движимые различными мотивами. В этом плане интересны рассуждения А. Н. Сперанской: «Можно предполагать, что мотивы были различны и противоречивы: кто-то верил в правильность и справедливость проводимого курса, другие подчинились административному нажиму. Некоторые пытались свести личные счеты, прикрываясь идеологическими лозунгами. Различным было и поведение. Большинство ученых, пытаясь адаптироваться в этот период, выполняли необходимые для власти мероприятия, стараясь при этом свести обсуждения к конкретным профессиональным задачам. Анализируя протоколы партийных собраний и ученых советов, можно отметить, что критика “низкопоклонства перед Западом” носила зачастую формальный характер. А сами выступления чаще всего были сдержанными и обтекаемыми по форме. В некоторых учреждениях сотрудники, насколько возможно, пытались уйти от необходимости искать в своих рядах космополитов, стараясь привлечь внимание к действительным проблемам и нуждам» [33, с. 103].

Но были и обратные примеры, когда люди из страха потерять свое рабочее место или просто уступая настойчивому диктату партийных органов, фактически осуществляли политическое доносительство. Они не только открыто обвиняли своих коллег и сотрудников в разного рода идеологических прегрешениях, но иногда опускались даже до публичного обсуждения личной жизни критикуемых, упоминая при этом их должности, имена и фамилии.

На вышеупомянутом совещании так поступил, например, ректор Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ) профессор Чуфаров[4]. Он заявил, что отдельные преподаватели «…не хотят заняться тем, чтобы абстрактные тематические положения применять и изыскивать применение их для решения проблем физики, химии, техники и др., не раскрывают перед студентами физической сущности материалистических понятий, и вследствие этого у них проявляются иногда элементы идеализма». При этом ректор не постеснялся назвать и конкретную фамилию одного из уважаемых преподавателей – профессора математики Черникова[5], – заявив, что тот «…не осознал необходимости перестройки учебного математического курса». А дальше, критикуя работу кафедр общественных наук подчиненного ему университета, ректор назвал еще одну фамилию, заявив буквально следующее: «…У нас в университете работает кандидат философских наук, старший преподаватель Наумов. Он не работает творчески над собой, часто пьянствует, плохо воспитывает свою дочь идеологически и в материальном положении она находится у него в загоне» [39, д. 10, л. 114, 118, 120].

Но подобными совещаниями дело не ограничивалось: время от времени партийные идеологи совершали выходы «в массы», выступая с подготовленными для них докладами на партийных собраниях вузовских коллективов. Именно такое незаурядное событие состоялось, например, 4 декабря 1952 г. в УрГУ, где с докладом

[1] Дижур Б. А. (1903-2006 гг.). Поэтесса и прозаик. Мать всемирно известного скульптора Эрнста Неизвестного.

[2] Ликстанов И. И. (1900-1955 гг.). Русский советский писатель. Лауреат Сталинской премии третьей степени 1948 г.

[3] Рябинин Б. С. (1911-1990 гг.). Известный уральский писатель-эколог. Лауреат премии Госкомиздата РСФСР 1984 г.

[4] Чуфаров Г. И. (1900-1984 гг.). Доктор химических наук, профессор, член-корр. АН СССР. Ректор УрГУ в 1946-1956 гг.

[5] Черников С. Н. (1912-1987 гг.). Известный советский математик, член-корр. АН УССР. Создатель фундаментальной теории локально разрешимых и локально нильпотентных групп. Автор метода свертывания линейных неравенств, позволяющего решать многие практические задачи.

выступил сам секретарь обкома партии – вышеупомянутый нами Куроедов. Доклад высокому партийному чиновнику, естественно, был подготовлен партбюро университета и согласован с ректоратом, но от этого не стал менее жестким.

Секретарь обкома, только недавно вернувшийся с XIX съезда КПСС (делегатом которого он был), почти все свое выступление посвятил критике многочисленных недостатков деятельности вуза «в свете требований к идеологической работе». Отметив, что «подготовка специалистов по ряду областей науки поставлена в университете все еще неудовлетворительно», докладчик раскритиковал в первую очередь работу кафедр общественных и гуманитарных наук. Так, например, в докладе отмечалось, что кафедра политэкономии мало занималась «разработкой теоретических вопросов», кафедра марксизма-ленинизма излишне сосредоточилась только на работе «по местной уральской тематике», а кафедра диалектического и исторического материализма «еще не дала крупных монографических исследований», а также «робко и медленно совершает переход от исследования философских систем прошлого к актуальным философским проблемам современности».

Даже кафедра русского языка и литературы была обвинена в том, что «не боролась против порочных “теорий” бесконфликтности и других идеологических извращений в литературе». Но особенно беспощадной критике была подвергнута кафедра физиологии и персонально ее заведующий профессор Патрушев[1], один из ведущих ученых-генетиков Урала. Он был обвинен в том, что в недавнем прошлом «стоял на позициях вейсманизма-морганизма», а в настоящем «нигде не выступает с критикой этой реакционной идеологии», «отмалчивается и, по всей видимости, обижается на критику».

В духе своего времени докладчик предъявил «партийные» претензии личного плана и другим заведующим кафедрами. Так, зав. кафедрой теории и практики советской печати Коган и зав. кафедрой дарвинизма (была и такая) Тарчевский обвинялись в том, что «не растут в научном отношении, отстают от жизни, слабо справляются с возложенными на них обязанностями», а зав. кафедрой политэкономии Готлобер[2] и зав. кафедрой всеобщей истории Сурин – даже в том, что слишком долго работают над своими диссертациями.

Согласно безоговорочно действующему в то время сценарию проведения подобных мероприятий, все выступившие критикуемые безусловно соглашались с замечаниями в свой адрес и заверяли, что приложат все усилия для исправления положения дел. Выступления же некоторых других присутствующих на собрании носили явно инспирированный характер, как, например, секретаря комитета комсомола Тихонова. Действуя явно с чьей-то подачи, он обрушился сразу на нескольких преподавателей университета, обвинив их в низком качестве проведения семинаров и чтения лекций, в которых «допускаются ошибки идеологического порядка» [35].

То, что никто ни единым словом не возразил секретарю обкома, неудивительно – мнение партийных органов считалось непререкаемым и не подлежащим даже малейшему обсуждению. О том, насколько беспредельной была партийная власть не только в духовной, но и в повседневной жизни советского общества, говорит такой характерный пример. В 1953 г. Свердловский облисполком своим решением изменил место дислокации одной из организаций, переместив ее в другое здание. И сразу же последовал предостерегающий окрик из обкома партии, который уже своим решением запретил председателю облисполкома Николаеву[3] и его заместителю Земляниченко «производить какие-либо перемещения учреждений и организаций без ведома обкома КПСС» [40, д. 53, л. 16].

Рассуждая объективно, всеохватный глобальный контроль всех сфер жизни общества, а духовной сферы – в особенности, был абсолютно необходим правящей партии уже для того, чтобы немедленно пресекать малейшие попытки граждан открыто выразить свое недовольство. Поэтому советские люди могли это сделать только либо в завуалированной, либо в обезличенной форме – например, оставляя соответствующие надписи на избирательных бюллетенях во время проведения различных выборов. После смерти Сталина по мере постепенного развития в стране процессов либерализации и демократизации такие надписи появлялись во все больших количествах. Например, на первых «послесталинских» выборах в Верховный Совет страны 14 марта 1954 г. на избирательных пунктах Свердловской области был отмечен резкий рост числа надписей, сделанных избирателями. Эти выборы, как всегда, проходили в обстановке «всенародной борьбы за дальнейший расцвет могущества нашей Родины», но граждане, почувствовав некоторое смягчение внутриполитической обстановки, уже далеко не всегда выбирали слова для выражения своих чувств. Вот только несколько самых радикальных из таких надписей:

– «Чем больше Советов, тем меньше продуктов. Советы сыты, а рабочие голодны».
– «В Советском Союзе человек не имеет никаких прав. Полное беззаконие, одни пустые слова о правах рабочего».
– «Жить стало тяжело, почти хуже, чем при царском режиме».
– «У нас в Советском Союзе свободы нет, и не будет».
– «Советская власть – это нищета, голод, туберкулез и слезы, слезы».
– «Будет время – Советы выкинем на свалку истории».
– «Долой КПСС!» [41, д. 112, л. 56].

---

[1] Патрушев В. И. (1910-1962 гг.). Доктор биологических наук, профессор. Организатор и первый директор Уральского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Первым в СССР начал развивать новое направление в биологии – физиологическую генетику животных. Один из выдающихся генетиков Урала.

[2] Готлобер В. М. (1916-1999). Кандидат экономических наук, профессор. Создатель региональной экономической школы, в том числе экономического факультета УрГУ и Свердловского института народного хозяйства.

[3] Николаев К. К. (1910-1972 гг.). Партийный и государственный функционер. В 1948-1962 гг. – председатель Свердловского облисполкома. В 1962-1971 гг. – первый секретарь Свердловского обкома КПСС.

Такое резкое обострение протестных настроений стало, конечно, возможным только в условиях ослабления идеологического диктата КПСС и начавшегося процесса «оттепели».

В заключение можно констатировать, что перманентный контроль духовной сферы жизни общества является неотъемлемым признаком любого тоталитарного строя, и сталинский режим в СССР здесь не являлся исключением. В этом плане даже победа в Великой Отечественной войне в целом не понизила градус идейного противостояния с капиталистическими странами и никак не смягчила жесткость проводимой правящей партией идеологического курса. Наиболее же действенными инструментами партийно-государственного влияния на духовную жизнь были периодически проводимые идеологические кампании, в которые вовлекались значительные массы населения. В результате реализовывался процесс навязывания гражданам страны канонов официальной идеологии, а их недовольство условиями жизни направлялось на несуществующих «врагов».

Именно эти цели преследовали, например, постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о кинофильме «Большая жизнь» (август и сентябрь 1946 г.), кампания преследования «безродных космополитов» и другие подобные мероприятия. При этом ведущую роль в них были призваны играть представители научной и творческой интеллигенции. Поэтому в сфере постоянного внимания партийных органов находились кафедры общественных наук всех вузов страны и различные творческие союзы.

И, наконец, нельзя не отметить, что перманентно осуществляемый контроль, сопряженный с директивно навязываемыми догмами партийной идеологии, в целом наносил непоправимый вред духовной сфере. Этот уродливый шлейф «партийного влияния» из прошлого протянулся на десятилетия вперед, и признаки его еще долго будет нести в себе современное российское общество.

Список литературы

1. **Азадовский К., Егоров Б.** О низкопоклонстве и космополитизме: 1948-1949 // Звезда. 1989. № 6. С. 157-176.
2. **Александров В. Я.** Трудные годы советской биологии. Записки современника. СПб.: Наука, 1992. 262 с.
3. **Борщаговский А. М.** Записки баловня судьбы. М.: Советский писатель, 1991. 400 с.
4. **Быков В.** На ветрах моего времени: воспоминания, размышления. Пермь: Редакция газеты «Звезда», 2010. 432 с.
5. **Вайсберг Б.** Очерки об известных евреях Екатеринбурга. Екатеринбург: Штерн, 1997. 100 с.
6. **Веселкова Н. В.** Невозможность настоящего: три жизни очерка 1920-1940-х гг. на Урале // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика: монография / сост. и науч. ред. Т. А. Круглова. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; Гуманитарный университет, 2015. 334 с.
7. **Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике 1917-1953** / сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Изд-во Междунар. фонда «Демократия», 1999. 869 с.
8. **Войнович В. Н.** Автопортрет. Роман моей жизни. М.: ЭКСМО, 2011. 880 с.
9. **Генина Е. С.** «Дело врачей» в Сибири (1953 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1. История. С. 81-85.
10. **Гижов В. А.** Идеологические кампании 1946-1953 гг. в российской провинции: по материалам Саратовской и Куйбышевской областей: автореф. дисс. … к.и.н. Саратов, 2004.
11. **Государственный антисемитизм в СССР. 1938-1953. Документы** / сост. Г. В. Костырченко. М.: МФД; Материк, 2005. 592 с.
12. **Громов Е. С.** Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998. 495 с.
13. **Грэхэм Л. Р.** Очерки истории российской и советской науки. М.: Янус-К, 1998. 310 с.
14. **Джилас М.** Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 544 с.
15. **Дукарт С. А.** Интеллигенция Сибири в послевоенные годы (1945-1953): вопросы теории и историографии: автореф. дисс. … к.и.н. Томск, 1997. 23 с.
16. **Есаков В. Д., Левина Е. С.** Дело «КР» (из истории гонений на советскую интеллигенцию) // Кентавр. 1994. № 2. С. 54-69.
17. **Зубкова Е. Ю.** Общественная атмосфера после войны (1945-1946 гг.) // Свободная мысль. 1991. № 6. С. 4-14.
18. **Зубкова Е. Ю.** Послевоенное советское общество: политика и повседневность (1945-1953). М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
19. **Из секретного статического сборника ЦК ВКП(б) «руководящие кадры партийных, советских, хозяйственных и других органов к началу 1952 года...»** [Электронный ресурс] // Фонд Александра Н. Яковлева. URL: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/68702 (дата обращения: 05.01.2016).
20. **Кара-Мурза С. Г.** Идеология и мать её наука. М.: Эксмо, 2002. 256 с.
21. **Кимерлинг А. С.** Террор на излёте. «Дело врачей» в уральской провинции. Пермь: Изд-во Пермского гос. ин-та искусства и культуры, 2011. 163 с.
22. **Кузнецова Н. А.** Творческие союзы Поволжья в послевоенные годы (1946-1953 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 156-158.
23. **Кунгина О. А.** Политико-идеологические кампании в отношении вузовской интеллигенции г. Молотова в 1945-1953 годы: дисс. … к.и.н. Пермь, 2004. 295 с.
24. **Лейбович О. Л.** Университетские истории. Пермь: ЗУУНЦ, 1997. 102 с.
25. **Макарычев А. С.** Учёные и политическая власть // Политические исследования. 1997. № 3. С. 89-102.
26. **Медведев Ж.** Сталин и еврейская проблема: новый анализ. М.: АСТ, 2005.
27. **Обухов Л. А.** «“Дело” профессоров Клюевой и Роскина» и научная интеллигенция Перми // Астафьевские чтения (17-18 мая 2003 г.). Пермь: Изд-во Мемор. центра истории полит. репрессий «Пермь-36», 2004. Вып. 2. 224 с.
28. **Общество и власть. Российская провинция. 1941-1985. Пермский край**: документы и материалы. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. Т. 2. 688 с.
29. **Пихоя Р. Г.** Советский Союз: история власти 1945-1991 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.
30. **Рапопорт Я. Л.** На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М.: Книга, 1988. 271 с.
31. **Сизов С. Г.** Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946-1964 гг. (на материалах Западной Сибири). «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 г.): в 2-х ч. Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. Ч. 1. 224 с.

32. Симонов К. Глазами человека моего поколения. М.: Изд-во АПН, 1988. 480 с.
33. Сперанская А. Н. Идеологические кампании 1946-1953 годов и научно-педагогическая интеллигенция Урала // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5-1. С. 100-104.
34. Сталин и космополитизм. 1945-1953: документы / сост. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005. 768 с.
35. Сталинец [Электронный ресурс]. 1952. 11 декабря. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34216/1/42%28711%29-1952-12-11.pdf (дата обращения: 05.01.2016).
36. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). Пермь: РИО ПГПУ, 2003. 384 с.
37. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН; Изд-во Фонда Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.
38. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 43.
39. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 49.
40. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52.
41. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53.
42. Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 720 с.
43. Этингер Я. Дело врачей. Сорок лет спустя // Новое время. 1993. № 2-3. С. 47-49.

PARTY POWER AND SPIRITUAL LIFE OF SOVIET SOCIETY AT THE END OF THE 1940S – THE BEGINNING OF THE 1950S: EVERYTHING IS UNDER CONTROL (BY THE MATERIALS OF SVERDLOVSK REGION)

Mamyachenkov Vladimir Nikolaevich, Doctor in History, Associate Professor
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
mamyachenkov@mail.ru

The article is devoted to the activity of the party, which ruled in the USSR, in the spiritual sphere of the society after the end of the Great Patriotic War. The author examines the control and dictatorship of the party bodies, and ideological campaigns that were regularly organized by them as specific phenomena of the life of the Soviet country. By the materials of the former party archive of Sverdlovsk region the paper demonstrates specific and vivid examples of the state interference into the activity of the institutions of education, science and culture and even into the private life of the citizens proving the irrelevance and malignancy of such an impact.

Key words and phrases: Soviet society; spiritual life; Sverdlovsk region; regional party committee; culture; creative unions; science; ideology; control and dictatorship.

УДК 94(470.54).084.9
Исторические науки и археология

Статья посвящена довольно редкому в истории СССР 1950-х годов событию – активному выступлению военнослужащих срочной службы в защиту своих попранных прав. Используя уникальные архивные материалы, мемуарную литературу и другие источники, автор исследует данное неординарное событие, анализирует его причины и непосредственный повод, проводит сравнение с подобными происшествиями в других регионах. Значительная часть представленной в статье информации вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова и фразы: Свердловская область; 1950-е гг.; командно-административная система; строительные батальоны; рядовые и сержанты; срочная служба; условия работы и отдыха; нормы выработки; правовой произвол.

Мамяченков Владимир Николаевич, д.и.н., доцент
Институт государственного управления и предпринимательства
Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
mamyachenkov@mail.ru

СОЛДАТСКИЙ БУНТ 1955 Г. В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В послевоенной истории СССР произошло не так много событий, которые можно было бы рассматривать, используя термины «бунт» или «восстание». События такого рода, тем более – крупномасштабные, обычно ассоциируются только с первыми годами большевистского правления в нашей стране. Для послевоенного же периода такая риторика нехарактерна: Вторая мировая война, избавившая мир от нацизма, способствовала, в то же время, максимальному укреплению сталинского тоталитарного режима, подавлявшего любые попытки организованного (а тем более – вооруженного) сопротивления. Поэтому отдельные проявления недовольства политикой властей со стороны населения применительно к данному периоду именуются обычно как «инакомыслие», «возмущение», «неповиновение» или, в крайнем случае, «массовые беспорядки».

Историография подобных событий берет свое начало с классического произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг», опубликованного во Франции в начале 1970-х годов [11]. В дальнейшем протестные акции граждан (в том числе военнослужащих) в послевоенном периоде истории Советского Союза исследовались такими авторами как Ю. В. Аксютин [1], Э. Ю. Завадская [7], В. А. Козлов [5-7], Э. Кулевиг [8],